

С этими словами он взял Тан Шаотана за руку и повёл обратно, на север, в узкий проход.

Тан Шаотан покорно позволил ему вести себя, но в сердце зародились новые сомнения.

А Цзю так долго рассказывал о вражде между родами Жуань и Фань. Но ни словом не обмолвился о своих собственных отношениях с этими двумя семьями.

Но он знал все подробности их вражды, имел свои счёты с родом Фань и был связан с Павильоном Ушоу.

Во всей этой истории был лишь один человек, подходящий под это описание.

Ответ напрашивался сам собой.

Тан Шаотан спросил:

— Ты ведь Жуань...

У Жуань Чэнцзи был сын, захваченный Павильоном Ушоу.

А Цзю резко перебил, начисто отрицая:

— Нет.

Он покачал головой:

— Ребёнок из рода Жуань не выжил.

— Однако так называемые золото и серебро Жуаней так и не попали в руки Фань Цзэчэна.

А Цзю обернулся и подмигнул:

— Догадываешься, куда подевались золотые горы?

Тан Шаотан промолчал.

Павильон Радужных Одежд был основан знатной госпожой павшей династии. Тан Шаотан связал это с тем, что Жуань Чэнцзи обращался в Павильон, чтобы убить братьев из рода Фань, а также с механизмами в храме. Он уже заключил, что род Жуань связан с Павильоном Радужных Одежд. Слух, скорее всего, был правдой.

Золото сейчас могло находиться лишь в трёх местах: у рода Жуань, у рода Фань или у них дома[3].

Именно так. Если род Фань не нашёл золото, его вполне мог отыскать и забрать Павильон Радужных Одежд, вернув к себе.

А Цзю, играя в загадки, топнул ногой по земле:

— Как думаешь, для чего изначально предназначалось место, где мы сейчас находимся?

Тан Шаотан аж подскочил.

Неужели место, куда они свалились, и вправду было ловушкой?

Внизу вода, есть воздух, есть проход — но если это ловушка, рассчитанная на смерть, почему нет никаких последующих убийственных механизмов?

Может, изначально это и не было ловушкой, а просто по стечению обстоятельств стало ею?

Вход — потайная дверь-механизм. Обвяжись верёвкой вокруг пояса, закрепи конец на настоящей колонне и медленно спускайся — и всё будет в порядке.

Неужели... это не ловушка, а вход?

Вход в тайник, где спрятано золото?

Тан Шаотан спросил:

— Ты считаешь, что пустые пещеры, через которые мы прошли, изначально служили хранилищем для золота?

А как же тоннель с фальшивыми колоннами?

Его построили позже?

Чтобы... скрыться от уничтожения родом Фань?

— Вполне возможно, не так ли? — сказал А Цзю.

Тан Шаотан погрузился в раздумья.

Просторные гrotы действительно могли быть сокровищницей.

Но они прошли весь путь и не увидели ни единого богатства. А Цзю также сказал, что золото не попало в руки рода Фань. Куда же оно делось?

Неужели вправду отправили в Павильон Радужных Одежд?

— И ещё, — продолжил А Цзю, — один мой старый знакомый рассказывал, как в детстве его наказывали, заставляя стоять на коленях в родовом храме, и он случайно обнаружил под землёй огромную пещеру. Схватился за свисающий канат, спустился вниз — и оказался в неглубоком озере.

Тан Шаотан промолчал.

Родовой храм, наказание стоянием на коленях... Старый знакомый, о котором говорил А Цзю, и был настоящим потомком рода Жуань?

Но он сказал...

— Неглубокое озеро?

Он упал с высоты, нырнул в озеро, но не достиг дна. Это озеро никак не назовёшь неглубоким.

Может, А Цзю или его друг ошибались?

— Именно, — подтвердил А Цзю. — Неглубокое озеро в устах ребёнка. Но мы, два взрослых мужа, падаем — и дна не чувствуем. В чём же дело?

— Огромное количество золота... опустили на дно озера? — предположил Тан Шаотан.

А Цзю усмехнулся и похвалил:

— Тантан[4] у нас умный, стоит лишь намекнуть.

— Впрочем, это лишь мои догадки. Золото, может, и вправду было, но его опустили на дно. А может, его и вовсе не было, а уровень воды поднялся из-за долгих лет дождей, за десятилетия накопилось.

— Мой старый знакомый не упоминал мне о золоте, зато рассказал, что если идти на север вдоль подземного озера, найдётся вентиляционное отверстие, соединённое с садом, — можно дышать. Беда в том, что отверстие всего с кулак, даже детская голова не пролезет. Чтобы вернуться на поверхность, приходилось карабкаться по тому же канату вверх-вниз — очень утомительно.

— Ещё он говорил: вырасту, постигну высшее боевое искусство — обязательно опробую здесь свои силы. Посмотрю, смогу ли одним ударом ладони раскрыть это непрочное отверстие.

Пока они беседовали, они уже добрались до вентиляционного отверстия на севере.

А Цзю отпустил запястье Тан Шаотана и бесстрастно произнёс:

— Жаль, ему не довелось вырасти. — Он поднял руку, прикоснулся к влажной каменной стене, и выражение его лица стало суровым. — Сегодня я попробую за него.

* * *

Стена рухнула, и тусклый свет хлынул внутрь.

Застоявшийся воздух пришёл в движение от ветра.

В это время солнце уже скрылось за западными горами, край неба был залит красками заката, облака клубились — вид был прекрасный.

А Цзю первым высунулся наполовину, жадно вдохнув свежего воздуха, чтобы облегчить стеснённую грудь.

Отверстие находилось у края высохшего пруда с лотосами. Цветы в пруду завяли, ряска пожухла. Рядом громоздились искусственные скалы, сделанные с удивительным мастерством — казалось, камни висят на волоске.

Сад давно запустел. Повсюду лианы карабкались по камням, словно накинуд на груды камней естественный мешок, укутавший былую изысканность и живость. Трава разной длины буйно росла вверх, наперебой вырываясь из щелей между камнями.

Выражение лица А Цзю на миг застыло, движение замедлилось.

А Цзю: «Кажется, я только что слишком уж выделился?»

Не то слово «выделился»!

Глава павильона Жуань одним ударом ладони разрушил стену — вот это была мощь!

Мало того что какой-нибудь мелкий воришка — даже не каждый мастер из его же Павильона Ушоу смог бы так.

К тому же он действовал без всякой подготовки, ударил — и готово, выглядело на удивление легко, не как у обычного человека.

А Цзю: «...»

Он не посмел оглянуться посмотреть на выражение лица Тан Шаотана. Он чувствовал, что ситуация, возможно, немного... выходит из-под контроля.

Глава павильона Жуань, хоть обычно и выглядел бесшабашным и своевольным, да и в притворстве особо не усердствовал, но элементарную сдержанность всё же соблюдал.

Например, он не был ленивым — просто понимал, что нужно скрывать своё остриё, поэтому мог не действовать — и не действовал, мог использовать чужие руки — и использовал.

Или, например, изначально он не планировал лично разрушать каменную стену.

...

Тан Шаотан уже сталкивался с тремя старейшинами Павильона Ушоу и в общих чертах представлял их уровень боевого мастерства.

А Цзю тоже понимал: если он будет действовать опрометчиво, как бы не перестараться и не выдать себя.

Что касается спасения из ловушки — раз он не может действовать сам, оставалось попросить кого-то другого.

А кто этот «другой», и говорить нечего — оставался лишь один человек, присутствовавший здесь, Тан Шаотан.

Пусть этот тип и скрывал внутренние травмы, и сейчас выглядел хуже обычного... но какое, собственно, дело Главе павильона Жуань до того, в каком состоянии пребывает его Тан Шаотан?

В тот момент А Цзю уже приготовил слова и собирался отдать приказ Тан Шаотану действовать, а самому остаться беспечным бездельником. Но, как нарочно, он обернулся — и прямо встретился взглядом с Тан Шаотаном, который с нездоровым лицом поднял на него глаза.

А Цзю: «...»

Он передумал.

...

Так и родились его последующие хвастливые слова и личный разгром каменной стены.

А Цзю собрался с духом, пытаясь убедить себя: «Ничего страшного, должно быть, едва-едва получится провести».

Но небеса непредсказуемы.

Кажется, Небесный Владыка решил ему насолить — лёгкий выдох, и налетел коварный ветер.

Ветер был не сильным, прежде он ни за что не смог бы свалить камень с горы.

Но как раз А Цзю только что разрушил каменную стену, от сотрясения окружающая земля и камни ослабли, потеряли устойчивость. Причудливый камень на искусственной скале, висевший на волоске, поддавшись лёгкому толчку ветра, потерял равновесие и полетел вниз.

А Цзю как раз ломал голову, как объяснить свою нечеловеческую силу, краем глаза заметил досадный летящий камень, уже хотел повернуться и уклониться, но в голове мелькнула мысль: «Сзади же кто-то есть!» — и вместо этого он взмахнул рукой назад, словно отмахиваясь от мухи, и швырнул тяжёлый причудливый камень далеко в сторону.

Камень с грохотом врезался в садовую стену, пробив в ней изрядную дыру.

Шум был таким громким, что Тан Шаотан за его спиной высунул голову, чтобы посмотреть.

Тан Шаотан: «...»

А Цзю: «...»

Это... как теперь выкручиваться?

Если бы он просто ударил ладонью и разрушил стену, он ещё мог бы объяснить это тем, что в смертельной опасности собрал все силы и сотворил чудо.

Но одно чудо за другим — как это объяснить?

Он, А Цзю, всю дорогу расходовал внутреннюю энергию на лечение другого, только что раскрошил каменную стену — и без тени усилия запросто швырнул скалу.

Такая сила — даже нынешние старейшины Павильона Ушоу вряд ли смогут с лёгкостью.

На душе у А Цзю стало горько, и он с отчаянием подумал: «Если я скажу ему, что от рождения обладаю недюжинной силой, всего лишь чуть-чуть больше обычных людей, — он поверит?»

А Цзю покачал головой, отгоняя несбыточные надежды.

Такие слова, пожалуй, и привидения не убедят.

Если Тан Шаотан поверит, тогда уж точно нечистая сила.

Но что ему оставалось делать?

Всё произошло внезапно, Тан Шаотан был прямо за ним. Если бы он, А Цзю, легонько повертелся и грациозно уклонился, камень, находившийся в слепой зоне Тан Шаотана, мог бы пробить тому голову, оставив кровавую дыру.

Если бы он не действовал, что ещё оставалось?

[3] «У них дома» — имеется в виду штаб-квартира Павильона Радужных Одежд, к которому принадлежит Тан Шаотан.

Тантан (Тан) — ласковое прозвище, которое А Цзю иногда использует для Тан Шаотана.

Образовано от первого иероглифа имени Тан удвоением. Имеет сладкий оттенок (сладость — «конфета, сладость»).

<http://bllate.org/book/16258/1462776>